

I. ИНФОРМАЦИОННОЕ ПРОТИВОБОРСТВО. АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ. ТЕОРИЯ

УДК 321.01.(066)

© Ковалёв В.И., Матвиенко Ю.А.
Kovalev V., Matvienko Yu.

«СЕТЕЦЕНТРИЧЕСКАЯ» ВОЙНА КАК НОВАЯ ПАРАДИГМА ВООРУЖЁННОЙ БОРЬБЫ

"NETWORK-CENTRIC" WARFARE AS A NEW PARADIGM ARMED STRUGGLE

Аннотация. В статье рассмотрен конструкт «сетевая война». Показано, что необходимость максимального использования возможностей всех имеющихся средств разведки и боевых платформ привела к переходу от «платформенной» модели управления войсками и оружием к «сетевая война» (Network Centric Warfare), что было бы более правильно переводить как «сетевая война». Выдвинуто и обосновано положение, что концепция «сетевая война» не может определять формы и виды ведения боевых действий, а представляет собой лишь новую систему взглядов на управление вооруженными силами и боевыми средствами, ориентированную на достижение информационного превосходства над противником и предусматривающую увеличение их боевого потенциала за счет создания единой информационно-коммутирующей сети, связывающей датчики (источники данных), лиц, принимающих решения и исполнителей (средства поражения), а не за счет простого количественного наращивания боевых средств («платформ»), как это принято при организации боевых действий в настоящее время.

Работа поддержана РФФИ, грант 12-03-00387 "Междисциплинарный анализ инновационных стратегий и процессов модернизации".

Annotation. In the article the construct of "network-centric warfare." It is shown that the need to maximize the capabilities of all the available means of reconnaissance and combat platforms has led to a shift from "platforms-centric" model of command and control to a "network-centric", we get the name of "network-centric" warfare (Network Centric Warfare), it would be more correct translated as "network-centric way of waging war." Put forward and justify the position that the concept of "network-centric" can not determine the forms and types of engagement, and represents only the views of a new system to control the armed forces and military means aimed at achieving information superiority over the enemy, and providing for an increase in their combat potential through creating a unified information-switching network connecting sensors (data sources), decision-makers and actors (ordnance), and not by a simple quantitative build weapons of war ("platforms"), as it is in the organization of military action now.

This work was supported by RHF, grant 12-03-00387 "The interdisciplinary analysis of innovative strategies and processes of modernization."

Ключевые слова. Война, «сетевая война», информация, управление войсками, боевые действия.

Key words. War, network-centric warfare, information, command and control, combat.

Поняв смысл слов – многое прояснится.
Конфуций

Война как социальное явление никуда не ушла из жизни человечества и в XXI веке; она не исчезает, не превращается в аномалию, а лишь трансформируется, утрачивая прежние и приобретая новые черты. Она по-прежнему остаётся для общества «отцом всего» (по Гераклиту), а для государства ещё и «путём жизни и смерти» (по Сунь Цзы).

С философской точки зрения война по своей сути – это выявление управляющей воли путём вооруженной борьбы, которая является основным, решающим содержанием войны, ее основной формой. А в вооруженной борьбе, как и в любой другой борьбе, всегда есть победитель и побеждённый. При этом первый в результате своей победы навязывает свою волю второму, вплоть до физического уничтожения поверженного врага.

Ковалев Виктор Иванович – кандидат технических наук, ученый секретарь, секция АВН, тел. (495)543-36-76;
Матвиенко Юрий Андреевич – кандидат технических наук, профессор, Академия военных наук.

Kovalev Victor – Ph.D., Scientific Secretary, the section of AMS, tel. (495) 543-36-76;
Matvienko Yuriy – candidate of engineering sciences, professor, Academy of military science.

С другой стороны, с позиций социологии основной целью любой войны является не просто уничтожение противника как такового, а силовое перераспределение ролевых функций стран или, если иметь в виду войну гражданскую, - социальных групп внутри страны. «Задача противоборствующих сторон состоит не в том, чтобы просто физически ликвидировать врага в ходе вооружённой борьбы, а в уничтожении противника именно как претендента на роль, которую хотим выполнять мы, в том, чтобы перевести его посредством вооружённой борьбы в другую роль, дополняющую или заменяющую свою», - отмечает в своей работе современный военный учёный В.И. Корчмит-Матюшов [3].

Поэтому прежде, чем перейти к рассмотрению вопроса «чем является «сетевая» война?» - новой парадигмой вооружённой борьбы или чем-то иным, необходимо коснуться вопроса о типе современных войн, а также формах и методах вооружённой борьбы в первой половине XXI века.

Немного полемологии (науки о войне)

Новая научная истина не достигает триумфа путём убеждения своих оппонентов и их просветления, но это скорее происходит оттого, что её оппоненты, в конце концов, умирают и вырастает новое поколение, с ней знакомое.

Томас Кун

В своём фундаментальном труде «О войне» прусский генерал Карл фон Клаузевиц писал: «Самое первое, самое главное и самое важное в смысле последствий решение, которое должен принять государственный деятель и командир, - это определить тип войны, в которую он погружается ...».

За прошедшую историю война, не меняя своего внутреннего содержания, сохраняя неизменной свою парадигму «борьбы волею за смену социальных ролей», тем не менее претерпела немало изменений в форме и методах ведения. Это обусловлено тем, что по меткому замечанию британского военного теоретика Кингстон-Макклори: «Самое сильное влияние на войну и на формы ее ведения оказывает процесс совершенствования оружия как наступательного, так и оборонительного».

Исходя из этого, именно в процессе эволюции средств вооружения и военной техники и происходит смена парадигм вооружённой борьбы, если под парадигмой понимать «общепринятую модель действий и совокупность общих правил их реализации для достижения поставленной цели».

Очередная такая смена парадигм именно вооружённой борьбы, на наш взгляд, произошла в середине

XX века с появлением у ведущих мировых держав ядерного оружия. Именно в это время к известным типам войн добавился новый - «ядерная» война или война с применением ядерного оружия и были разработаны формы и методы её ведения.

По нашему мнению, смена парадигм вооружённой борьбы определяется, с одной стороны, дистанцией, на которой противники могут уничтожать друг друга, а с другой - количеством уничтожаемых врагов в единицу времени: от булавы и меча к копьё и луку, затем к огнестрельному оружию индивидуального применения и первой артиллерии, далее к оружию автоматическому, дальнобойной и реактивной артиллерии, авиации дальнего действия и, наконец, к ракетному оружию, сначала средней дальности, а затем и к межконтинентальным баллистическим ракетам, оснащённым ядерными боеприпасами. Иными словами, развитие вооружения шло в направлении от средств индивидуального поражения к средствам группового, а затем и массового поражения. Развитие же военной техники шло в направлении создания и совершенствования боевых платформ, коими по своей сути и являются современные танки, самолеты, корабли и ракетные комплексы разного типа. Даже индивидуальный боец, вооружённый стрелковым оружием с запасом патронов, гранатомётом и ручными гранатами, имеющий средства связи для обмена информацией, по сути, также является боевой платформой с ограниченной огневой мощью.

Атомные бомбардировки американцами японских городов Хиросимы и Нагасаки в августе 1945г. показали, что война может быть дистанционной и бесконтактной. А массовое создание боевых ракетных комплексов межконтинентальных баллистических ракет с ядерными боеголовками, нацеленными на противника и управляемыми из высокозащищённых командных пунктов, позволило допустить возможность одним ракетно-ядерным ударом оперативно решить сразу все стратегические задачи войны, в отличие от сил общего назначения, не обладающих такой ударной мощью в единицу времени, но несущих при этом потери в живой силе и технике.

Тем не менее безудержная гонка ядерных вооружений в 50-70-е годы XX века привела мир на грань глобальной катастрофы. Карибский кризис и различные инциденты с ядерным оружием, его носителями и средствами их обнаружения, моделирование последствий обмена ракетно-ядерными ударами, в конце концов, привели к стратегическому паритету и осознанию руководством ведущих стран мира недопустимости ши-

рокомасштабной ядерной войны. Как отмечал военный историк Мартин ван Кревельд: «Как это ни парадоксально, самое мощное орудие ведения войны из когда-либо изобретённых в наибольшей степени способствовало предотвращению или, по крайней мере, ограничению военных конфликтов между его обладателями» [7]. Произошла своеобразная «трансформация» войны: во второй половине XX века мир погрузился в эпоху локальных военных конфликтов, «мятежевойн» [3] и войн «малой интенсивности» [7], которые тем не менее не вылились в широкомасштабную войну между коалициями государств, имеющих на вооружении ядерное оружие.

В то же время, наряду с гонкой ядерных вооружений как на Западе (в странах-членах НАТО), так и на Востоке (в данном случае, в странах Варшавского договора) продолжалась гонка обычных вооружений: происходило наращивание и совершенствование боевых платформ во всех трёх видах вооружённых сил – Сухопутных войсках, ВВС и ВМФ. Благодаря успехам в автоматизации широкое развитие получили так называемые разведывательно-ударные (РУК) и разведывательно-огневые (РОК) комплексы, имевшие в своём составе различные программно-аппаратные средства для разведки целей, расчёта целеуказаний и автоматизированного или автоматического управления средствами поражения целей. Получило приоритетное развитие высокоточное оружие (ВТО), в том числе большой дальности. Крылатые ракеты воздушного, морского и наземного базирования по поражающему эффекту приблизились к оружию массового поражения, а их применение стало возможным из зон, находящихся вне досягаемости средств противодействия противника. Но для эффективного применения на поле боя РУК, РОК и ВТО необходимо было исключить дублирование целей, получать точные целеуказания в масштабе времени, близком к реальному.

С другой стороны, с началом космической эры, в период так называемой «холодной» войны, интенсивное развитие получили технические средства разведки. Спутники оптической, инфракрасной, радио- и радиотехнической разведки позволили вести непрерывное и всепогодное наблюдение за территорией противника, передавая разведанные на центры их обработки практически в реальном масштабе времени. Разного рода радиолокационные станции позволяли обнаруживать средства вооружения противника на больших расстояниях, в том числе за горизонтом.

Между тем время от момента получения разведанных, их последующей обработки, передачи органам

управления для дальнейшего расчёта и корректировки целеуказаний и до момента получения ударными средствами данных о целях было несопоставимо с ожидаемой динамикой боевых действий, как раз и обусловленной техническими возможностями нового вооружения и военной техники (ВВТ).

Строго централизованный и иерархический путь прохождения информации о противнике практически сводил на нет потенциальные ударные возможности разного рода боевых платформ.

Одновременно с развитием ВВТ и средств разведки шло и развитие систем управления войсками и оружием. Автоматизация всё шире стала проникать в армейские штабы и на командные пункты всех уровней. В то же время военные специалисты столкнулись при решении задач управления войсками и оружием в новых условиях с целым рядом проблем и противоречий, основными из которых являются следующие [2]:

- наличие неполной, а иногда и неточной информации о противнике и зачастую о своих войсках и необходимостью немедленного принятия решения, которое бы обеспечивало выполнение поставленной задачи в кратчайшие сроки и с минимально допустимыми потерями;
- большие объёмы получаемой и передаваемой информации на всех уровнях управления и низкая пропускная способность иерархических «стволовых» систем автоматизации управления и связи;
- противоречие между необходимостью жесткой централизации управления войсками и оружием (особенно ВТО большой дальности и разрушительной силы) и необходимостью, в то же время предоставления подчинённым командирам наибольшей инициативы на местах (концепция «власть на край»);
- противоречие между краткостью формы приказа (боевого распоряжения) и его содержанием, которое должно точно отражать всю сложность обстановки и ясность боевых задач;
- противоречие между определением приоритетности и выбором целей, средств и способов достижения цели.

Таким образом, качественные и количественные изменения вооружения и военной техники для ведения обычной войны, бурное развитие информационных технологий, в конце концов, привели на рубеже веков к осознанию необходимости изменения форм и методов управления вооружённой борьбы, о чём и пойдет речь ниже.

Смещение «центра тяжести» структуры вооружённых сил: от платформы к сети

Одна минута решает исход баталии,
один час – успех кампании,
один день – судьбы империй...
Я действую не часами, а минутами.

Суворов А.В.

В условиях стратегической стабильности, определяемой наличием у ведущих стран ядерного оружия, на фоне бурного развития информационных технологий, возрастания оперативности боевых действий в ходе войн малой интенсивности и вооруженных конфликтов возникла необходимость рационального использования боевой мощи разного типа боевых платформ с обычным оружием, раскрытия всех их потенциальных возможностей.

С другой стороны, наличие большого количества разнообразной информации о противнике и своих силах и средствах на разных уровнях потребовало дальнейшего развития систем и средств оценки обстановки и подготовки руководству вариантов решений.

Кроме того, для эффективного управления имеющимися силами и средствами потребовалась интеграция имеющихся разнородных АСУ войсками и оружием в единую систему управления и связи.

Успех в сражении уже должен был решаться не одним видом оружия: победа достигалась при слаженном взаимодействии всех видов и родов войск: флота, авиации, ракет средней и меньшей дальности, артиллерии, танков и пехоты [4-6].

Впервые идеи об объединении усилий разведки, средств управления и поражения для достижения поставленной цели были высказаны Маршалом Советского Союза Н.В. Огарковым в середине 80-х годов XX века. Однако лишь в конце 90-х годов идея объединения всех трех компонент – средств разведки и наблюдения, боевых платформ, средств автоматизации управления и связи в единую систему начала обретать свои очертания в вооружённых силах США.

Ядром такой системы, новым «центром силы» стала сеть обмена данными, фактически образующая для потребителей единое информационное пространство, доступ к информации, в котором регламентируется соответствующими полномочиями.

Таким образом, необходимость максимального использования возможностей всех имеющихся средств разведки и боевых платформ привела к переходу от «платформенной» модели управления войсками и оружием к «сетевидной», получившей в итоге наименование «сетевидная» война (Network Centric Warfare), что было бы более правильно переводить как

«сетевидный способ ведения войны» [11].

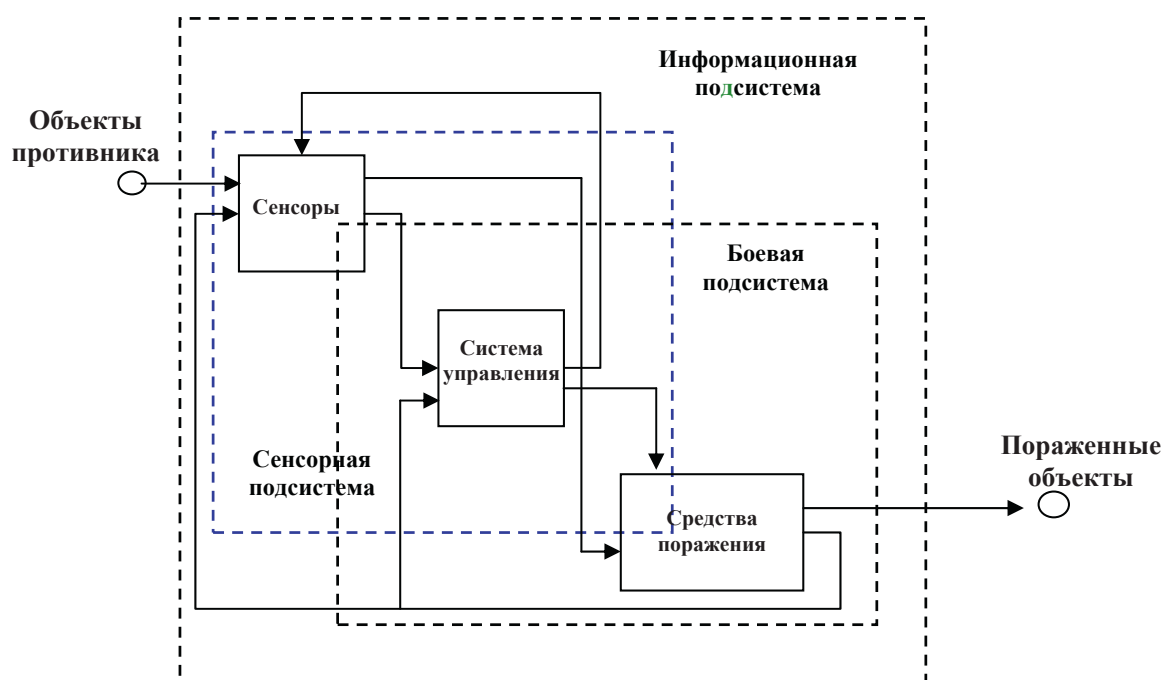
Сам термин «сетевидизм» впервые появился в американской компьютерной индустрии и стал результатом прорыва в информационных технологиях, которые позволили организовать взаимодействие между компьютерами, даже несмотря на использование в них разных операционных систем. Позднее идея сетевидизма была взята на вооружение специалистами армии США. Так, идеологи новой концепции – вице-адмирал ВМФ США Артур Цебровски и эксперт Министерства обороны США Джон Гарстка – отмечали, что концепция «сетевидной войны» – это не только развертывание цифровых сетей с целью обеспечения как вертикальной, так и горизонтальной интеграции всех участников боевой операции. Это еще и изменение тактики действия перспективных формирований с рассредоточенными боевыми порядками, оптимизация способов разведывательной деятельности, упрощение процедур согласования и координации огневого поражения, а также некоторое нивелирование разграничения средств по звеньям управления [9].

По своей сути «сетевидная» война – это ориентированная на достижение информационного превосходства концепция организации управления действиями группировок войск (сил), предусматривающая увеличение их боевой мощи за счет создания единой информационно-коммутиционной сети, связывающей датчики (источники данных), лиц, принимающих решения, и исполнителей, что обеспечивает доведение до участников действий необходимой информации об обстановке, ускорение процесса управления силами и средствами, и повышение вследствие этого темпов операций, эффективности поражения противника, живучести своих войск и уровня самосинхронизации боевых действий [8].

В концептуально-теоретическом плане модель «сетевидной» войны представляют как систему, состоящую из трех подсистем (см. рисунок), имеющих структуру решетки: информационной подсистемы; сенсорной (разведывательной) подсистемы; боевой подсистемы (подсистемы отдельных тактических подразделений и боевого управления) [2].

Основой системы считается первая подсистема, на которую накладываются вторая и третья подсистемы. Элементами второй подсистемы являются силы и средства разведки, а третьей – средства поражения, боевая техника и личный состав отдельных тактических подразделений, объединенные органами управления и командования.

«Сетевидная» война, по мнению авторов концепции, может охватывать все уровни управления, а

Обобщённая модель концепции «сетцентричной» войны

принципы ее ведения не зависят от географического региона, боевых задач, состава и структуры вооруженных сил. Сами же вооружённые силы в этом случае представляют собой разветвлённую сеть хорошо информированных, но географически распределённых сил.

При применении концепции «сетцентричная» война информация будет поступать не от отдельных «платформ» (боевой техники, средств разведки, наблюдательных постов, групп разведки, вертолетов, авиации, космических аппаратов и др.), а из информационной сферы, тесно связанной с двумя другими сферами (физической и когнитивной), создающими вместе сферу «сетцентрической» войны. При этом физическая сфера – это «место развития ситуации, на которую оказывается военное влияние». В ней (на суше, воде, в воздухе и космосе) разворачиваются военные действия и действуют «физические платформы», соединенные «коммуникационными» сетями. Когнитивная (рационально-ментальная) сфера складывается в умах участников конфликта и характеризуется, с одной стороны, такими понятиями, как представление, осознание, понимание, убеждения, ценности, а с другой – процессом принятия решений. К этой же сфере относятся: лидерство, моральное состояние, сплоченность, уровень подготовки и боевого опыта, общественное мнение, мыслительные процессы командиров, способы принятия решений, интеллект и эрудиция.

Под информационной сферой понимается сфера, в которой происходит обмен информацией, передача решений командира, осуществляется контроль и управление войсками. В ней формируются и накапливаются зна-

ния, представления о физической сфере; она отражает ее в виртуальной реальности. В борьбе за информационное превосходство она является «основополагающим плацдармом». При этом разработчики этой теории считают, что информационное превосходство характеризует состояние информационной сферы, когда одна из сторон получает «превосходящие информационные позиции».

Ведение боевых действий на основе «сетцентричной» модели осуществляется следующим образом. По результатам анализа и обобщения информации о противнике, полученной от различных средств разведки и предупреждения по каналам различной физической природы, а также информации о наличии и состоянии боеготовности своих средств поражения, органами управления в рамках их компетенции принимается решение, обеспечивающее наиболее эффективное выполнение поставленных им задач. Данное решение оформляется в виде соответствующих приказов и распоряжений и доводится до подключённых к сети соответствующих сил и средств поражения, которые собственно и выполняют боевую задачу.

Доступ к развединформации и информации о состоянии сил и средств поражения осуществляется органами управления соответствующего ранга децентрализованно в рамках их полномочий в иерархии вооруженных сил.

Таким образом, концепция «сетцентричной» войны предусматривает комплексное ведение боевых действий всеми видами и родами вооруженных сил на основе преимуществ, которые дает использование «единого информационно-коммуникационного пространства».

По своей сути она является *не оперативной* концепцией (формой ведения военных действий объединёнными силами), а *функциональной* (способом управления объединёнными силами). Иными словами, концепция «сетцентричности» не может определять формы и виды ведения боевых действий, а представляет собой лишь *новую систему взглядов на управление вооружёнными силами и боевыми средствами*, ориентированную на достижение информационного превосходства над противником и предусматривающую увеличение их боевого потенциала за счет создания единой информационно-коммутиционной сети, связывающей датчики (источники данных), лиц, принимающих решения, и исполнителей (средства поражения), а не за счёт простого количественного наращивания боевых средств («платформ»), как это принято при организации боевых действий в настоящее время.

То есть при реализации «сетцентричного» способа управления группировками войск, в отличие от «платформцентричного», боевые средства («платформы») и «центры управления» не исчезают, а лишь объединяются в интегрированную информационно-управляющую компьютерную систему, что позволяет им функционировать в синергетическом режиме и иметь много степеней свободы.

Непрерывный поток информации от распределённых средств разведки в рамках единой интегрированной информационной сферы, функционирующей в реальном масштабе времени, позволяет значительно увеличить степень ситуационной боеготовности вооружённых сил, минимизировать неопределённость обстановки, ускорить процесс принятия решения и увеличить темпы операций.

Исходя из этого, как система взглядов на управление вооружёнными силами и боевыми средствами в ходе вооружённой борьбы концепция «сетцентричной» войны была включена в такую активно практикуемую в последнее время США и их союзниками для достижения своих интересов форму борьбы, как концепция нацеленности на конечный результат или эффект – «Effects-Based Approach to joint Operations» [2, 12, 14-18].

Данная концепция базируется на представлении противника как некой многоуровневой системы, модель которой для простоты изображается в виде ряда концентрических окружностей с национальными лидерами в центре [9]. В модели, названной авторами «враг как система», вооружённые силы страны составляют внешнее, самое последнее кольцо, предназначенное для защиты всей системы от силового воздействия армии противника. При этом каждая такая окружность – это своеобраз-

ный центр тяжести (силы). Прочность системы определяется уравновешенностью всех таких центров соответствующей государственной политикой.

По мнению стратегов США, оказывая различными способами давление не только на внешнее кольцо (армию), как это практиковалось ранее, а и на другие центры силы, можно заставить противника действовать именно так, как задумано, что в итоге приведет к нужному эффекту – его поражению.

При этом под эффектом в армии США понимают «физический, функциональный или психологический результат, событие или то, что является результатом конкретных военных и невоенных действий» [8]. В этом случае «операция на основе эффектов» - это процесс, направленный на получение желаемых стратегических результатов или эффект, оказываемый на врага посредством синергетического, мультипликативного и кумулятивного применения полного спектра военных и невоенных возможностей на всех уровнях, от тактического до стратегического.

Однако следует иметь в виду, что данный тип операций также не является новым классом военных операций, а представляет собой интегрированное применение всего арсенала государственных, экономических, военных и дипломатических средств и процедур по отношению к противоборствующей стороне при обеспечении тесного взаимодействия с государствами-союзниками.

Наш ответ Кёрзону

Не так страшен чёрт, как его малюют.

Русская поговорка

Таким образом, анализ концепции «сетцентричной» войны показывает, что её главное содержание лежит не в новых формах и способах ведения боевых действий, а в изменении принципов управления войсками и оружием в обычном оснащении. Следовательно, говорить о «сетцентричной» войне как о новой парадигме вооружённой борьбы с точки зрения военной науки недостаточно корректно.

В то же время именно как новый способ организации управления войсками и оружием, как реальный инструмент повышения боевых возможностей разнородных сил и средств она заслуживает самого пристального внимания и изучения специалистами.

Помимо широко разрекламированных преимуществ «сетцентричного» способа управления войсками и оружием, следует остановиться и на его недостатках, ибо «сетцентризм» нельзя рассматривать как панацею для решения всех проблем, в том числе и в ВС РФ.

В частности, все до сих пор проводимые США и НАТО боевые операции с использованием концепции «сетевцентрической» войны осуществлялись против заведомо слабого противника, не имеющего на вооружении современных средств разведки, в первую очередь спутниковых, мощных средств поражения, в том числе и ВТО большой дальности, а также современных средств автоматизации управления и связи.

Так, по мнению президента Академии военных наук России Махмута Гареева: «С точки зрения развития военного искусства опыт войны в Ираке не позволяет сделать какие-либо далеко идущие выводы, поскольку серьезной войны с сильным противником не было. Была расправа политически изолированного и технологически мощного государства над заведомо ослабленной во всех отношениях страной».

Много спорят о положительных и отрицательных сторонах концепции «сетевцентрической» войны и в самих Соединённых Штатах. Одни авторы находят «семь смертных грехов сетевой войны», другие же развенчивают «одинадцать мифов о «сетевцентрической» войне». Кто-то видит в широко разрекламированном процессе обсуждения концепции «сетевцентрической» войны политический дискурс для оправдания войны, который позволит США продолжать доминировать на международной арене [2, 8, 9, 12].

Анализ боевых действий, которые вели США в течение последних 15 лет, показывает, что концепция «сетевцентрической» войны хороша в военных конфликтах малой и средней интенсивности, когда действия ведут сильный и слабый партнёры. Хороша данная концепция и для блицкрига, по типу того, что «случился» у США при вторжении в Ирак в 2003г. [14-17].

Тем не менее в когнитивную и аффективную компоненты российской целевой аудитории восприятия (куда входят и основные базовые элементы системы принятия военно-политических решений) активно вводится положение о том, что будущие войны будут, как правило, «сетевцентричными» и «бесконтактными» с использованием в основном неядерных высокоточных средств. И если такой взгляд на войны будущего у нас превратится в поведенческий архетип, то, разумеется, так оно скорей всего и будет. Мы будем *готовиться* к войне, в которой у нас, очевидно, на краткосрочную и среднесрочную перспективу просто нет шансов на победу (так называемое запрограммированное поражение) [21].

Но если мы зададимся вопросом: «А, собственно, почему война в будущем должна быть именно такой?» и в качестве «асимметричного ответа» Западу будем *гото-*

вить контактную войну с применением всего арсенала средств направленного воздействия, которым мы можем обладать, то и характер такой будущей войны будет уже другой и её финал непредсказуем!

Поэтому, как себя поведёт концепция «сетевцентрической» войны при столкновении сильных армий, имеющих богатый исторический опыт крупных войн и кровопролитных сражений, неведомо, ведь ещё Р. Киплинг, большой знаток военного дела, в своей знаменитой «Балладе о Востоке и Западе» тонко уловил особенность борьбы равных по силе соперников:

«Но нет Востока, и Запада нет,
что племя, родина, род,
если сильный с сильным лицом к лицу
у края земли встанёт?»

Как у США и НАТО, так и у России, и у Китая, и у Индии есть системы космической разведки, радиоэлектронного подавления, есть высокоточное оружие, в том числе и дальнего действия. Достаточно много у ведущих мировых держав и разнообразных боевых платформ разных поколений – танков, самолетов, кораблей различного класса, зенитно-ракетных комплексов ПВО, другого вооружения и военной техники.

Каждая из ведущих стран может заранее обнаружить вблизи своих границ или границ союзников сосредоточение сил и средств противника. На недружественные действия может последовать превентивный ответ – демонстрационные действия, в том числе по нарушению функционирования средств разведки, систем связи и управления. В ответ на неприкрытую агрессию могут последовать асимметричные и даже неконвенционные меры. В частности, в действующей Военной доктрине России прямо говорится, что «Российская Федерация оставляет за собой право применить ядерное оружие в ответ на применение против нее и (или) ее союзников ядерного и других видов оружия массового поражения, а также в случае агрессии против РФ с применением обычного оружия, когда под угрозу поставлено само существование государства».

Что касается непосредственно Российской армии, то, «примеривая» на свои вооруженные силы иноземный кафтан «сетевцентрической» войны, необходимо учитывать действующие положения руководящих документов в области обороны и безопасности, в первую очередь Военную доктрину Российской Федерации, внешнеполитический курс страны, проводимый её руководством. Следует иметь в виду, что «задачи вооруженных сил США и нашей армии радикально не совпадают. США и их союзники по НАТО на протяжении десятилетий ведут, как

правило, наступательные военные действия за пределами своей территории, всегда обладают инициативой в развязывании войны, воюют со слабым противником. Поэтому их опыт нетипичен для нас. Нам, прежде всего, надо обеспечить защиту своей территории и поэтому в начале войны придется вести оборонительные действия против более сильного, принципиально разного на каждом ТВД противника» [20].

Исходя из этого, с целью появления возможностей, да и самих предпосылок реализации «сетевидной» концепции, в Российской армии необходимо решать комплексную задачу как в рамках Вооруженных сил, так и страны в целом. Это должен быть и поиск новых технологических решений, и перевод оборонно-промышленного комплекса на инновационный путь развития, и уточнение уставов и наставлений, и разработка новых форм и способов применения группировок войск, и обучение личного состава работе с современными аппаратными и программными средствами.

В заключение хочется подчеркнуть следующее. Как теоретическая конструкция концепция «сетевидной»

войны всё же находится ещё далеко от земной реальности и природы войны. Сами авторы концепции «сетевидной» войны отмечают, что она «не является революцией в военном деле, которая изменяет саму сущность войны, скорее – это множитель силы, который мог бы позволить государственному военному аппарату бороться эффективнее при условии, что военная доктрина и вооружённые силы выстроены в соответствии с оценкой угрозы» [9].

Тем не менее «сетевидность» предполагает изменение мировоззрения военного руководства всех уровней на управление подчиненными формированиями в различных условиях обстановки; создание унифицированных АСУ войсками и оружием, функционирующих в едином информационном пространстве; разработку современных технических средств наблюдения и разведки, которые и будут наполнять информацией телекоммуникационные сети; разработку и принятие на вооружение в достаточном количестве высокоточного оружия, которому такая информация, собственно, и нужна, а также боевых платформ для размещения средств поражения живой силы и техники. И в этом, на наш взгляд, его главная заслуга.

Литература

1. Корчмит-Матюшов В.И. «Теория войн». - М.:БФРГТЗ «Слово», 2001.
2. Паришин С.А., Горбачёв Ю.Е., Кожанов Ю.А. «Современные тенденции развития теории и практики управления в вооружённых силах США». – М.: «ЛЕНАНД», 2009. – 272 с.
3. «Хочешь мира, победи мятежевойну! Творческое наследие Е.Э. Месснера / русский военный сборник № 21». – М.: «Военный университет», «Русский путь», 2005.
4. Слитченко В. И. «Войны нового поколения: дистанционные и бесконтактные», М., «ОЛМА-ПРЕСС образование», 2004.
5. Гареев М.А., Слитченко В.И. «Будущая война», М., «ОГИ», 2005.
6. Требин М.П. «Войны XXI века», М., «АСТ», 2005.
7. Ван Кревельд М. «Трансформация войны», М., ИРИСЭН, 2005.
8. «Сетевидная война. Дайджест по материалам открытых изданий и СМИ». – М. ВАГШ ВС РФ, 2010.
9. Савин Л.В. «Сетевидная и сетевая война. Введение в концепцию». – М.: «Евразийское движение», 2001. – 130 с.
10. «Сетевые войны: угроза нового поколения». Сборник докладов участников конференции «Сетевые войны». – М.: «Евразийское движение», 2009.
11. Кондратьев А. «Сетевидный фронт. Боевые действия в едином информационном пространстве». Статья в журнале «Национальная оборона» № 2, 2011.
12. Смит Д., Кобрин М., Хеллман К. «Новые вооружённые силы. Стратегия безопасности в XXI веке». Центр оборонной информации – М.: «Гендальф», 2002. – 87 с.
13. Савин Л.В. «От шерифа до террориста. Очерки о геополитике США». – М.: «Евразийское Движение», 2012. – 254 с.
14. Барышев А.П. «Современная стратегия США и НАТО (в контексте проблем национальной безопасности России)». – М.: ОГИ, 2011.
15. Валецкий О.В. «Новая стратегия США и НАТО в войнах в Югославии, Ираке, Афганистане и её влияние на развитие зарубежных систем вооружения и боеприпасов». – М.: «Арктика 4Д», 2008.
16. Карякин В.В. «Военная политика и стратегия США в геополитической динамике современного мира: монография». – М.: «Граница», 2011.
17. «Информационные, специальные, воздушно-десантные и аэромобильные операции армий ведущих зарубежных государств: информационно-аналитический сборник / А.Н. Сидорин, И.А. Рябченко, В.П. Герасимов и др.» . – М.: Воениздат, 2011.
18. «Военная сила в международных отношениях: учебное пособие / коллектив авторов; под общ. ред. В.И. Анненкова». – М.: КНОРУС, 2011.
19. Добренёв В.И., Агапов П.В. «Война и безопасность России в XXI веке». – М.: «Академический проект», «Альма Матер», 2011.
20. Рухин А. С. «Некоторые итоги реформы Вооруженных Сил». Статья в газете «Военно-промышленный курьер» № 45 (462) от 14 ноября 2012г.
21. Ковалёв В.И. «Проблема управления процессами модернизации в военной сфере в условиях неопределённости представлений о военных конфликтах будущего». // «Информационные войны» №4 (24), 2012.

Материал поступил в редакцию 11. 12. 2012 г.